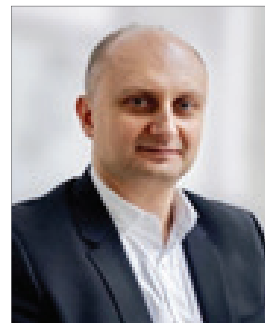

Обеспечение финансовой безопасности в условиях международной дезинтеграции (правовые модели США, Великобритании, ЕС и КНР в сравнительной перспективе)

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу моделей финансовой безопасности в условиях международной дезинтеграции. Рассматриваются теоретико-правовые основы финансового суверенитета как политико-правового феномена, связанного с национальной безопасностью. На основе анализа стратегических документов и практики США, Великобритании, ЕС и КНР выделены четыре модели: гегемонистская (США), институционально-балансирующая (Великобритания), наднациональная (ЕС) и суверенно-автономная (КНР). Раскрыта трансформация международного права под влиянием рестрикций, проявляющаяся в кризисе универсализма и формировании конкурирующих правовых режимов. Сделан вывод об отсутствии универсальной модели обеспечения финансовой безопасности и возрастании роли права в создании новой полицентричной архитектуры международных финансовых отношений.

Ключевые слова: финансовая безопасность, финансовый суверенитет, санкции, рестрикции, дезинтеграция, сравнительное правоведение, США, Великобритания, Европейский союз, Китай

Дмитрий Вячеславович ГАЛУШКО,
профессор кафедры
правового регулирования
экономической
деятельности
Финансового университета
при Правительстве РФ,
доктор юридических наук
dvgalushko@fa.ru
125167, Россия, г. Москва,
Ленинградский просп.,
д. 49/2

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.139.3.105-111

Dmitriy V. GALUSHKO,

Professor at the Department of Legal Regulation
of Economic Activities of Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Dr. Sci. (Law)

dvgalushko@fa.ru

49/2, Leningradskii prosp., Moscow, Russia, 125167

Ensuring Financial Security under Conditions of International Disintegration (Legal Models of the USA, the UK, the EU and China in Comparative Perspective)

Abstract. The article is devoted to a comparative legal analysis of models of financial security in the context of international disintegration. It examines the theoretical and legal foundations of financial sovereignty as a political and legal phenomenon associated with national security. Based on an analysis of strategic documents and practices of the USA, the UK, the EU, and the PRC, four models are identified: hegemonic (USA), institutional-balancing (UK),

© Галушко Д. В., 2026

supranational (EU), and sovereign-autonomous (PRC). The transformation of international law under the influence of restrictive measures is revealed, manifested in the crisis of universalism and the formation of competing legal regimes. It is concluded that there is no universal model for ensuring financial security and that the role of law is increasing in creating a new polycentric architecture of international financial relations.

Keywords: *financial security, financial sovereignty, sanctions, restrictions, disintegration, comparative law, USA, United Kingdom, European Union, China*

Современный этап развития международных отношений отмечен глубинным преобразованием глобального финансового порядка под влиянием геополитической напряженности и нарастающей международной дезинтеграции. Финансовая сфера превратилась в арену стратегического соперничества, где правовые инструменты используются для давления и перераспределения влияния. Традиционное понимание финансовой безопасности как экономической категории претерпело трансформацию: сегодня она интерпретируется через призму способности государства защищать свою финансовую систему от внешнего принуждения, осуществляемого посредством правовых инструментов. Эта реальность, характеризующая концепцией *weaponized interdependence*¹, требует переосмысления финансового суверенитета как ключевой правовой категории.

Финансовый суверенитет предполагает верховную способность государства обеспечивать автономность базовых функций финансовой системы перед лицом целенаправленных внешних ограничений. Являясь составной частью экономического суверенитета, он предполагает суверенное право самостоятельно определять финансовую политику². Как показывает современная практика, угроза исходит не только от уязвимостей в импорте, но и от зависимости экспортных отраслей от отдельных рынков сбыта³. Финансовая безопасность перестает быть исключительно внутренним делом, становясь элементом национальной безопасности.

Происходящая дезинтеграция представляет собой устойчивую структурную тенденцию. Усиление рестрикционного давления, рост протекционизма и приоритет национальной безопасности размывают универсальные правила глобального взаимодействия⁴. Правовое регулирование претерпевает качественные изменения: на смену международно-правовым нормам приходят национальные режимы, ориентированные на защиту внутренних интересов. Государства пересматривают законодательство в сфере контроля за движением капитала и

¹ Farrell H., Newman A. The New Economic Security State // Foreign Affairs. 2023. November — December.

² Самтарова Н. А. О специальном правовом режиме финансовой деятельности государства в условиях экономических санкций // Финансовое право. 2024. № 2. С. 15—17.

³ Adachi A., Brown A., Zenglein M. Fasten your seatbelts: How to manage China's economic coercion // MERICS China Monitor. 2022. 25 August.

⁴ Кузнецов А. В. Дезинтеграция мировой торговой системы: причины и следствия // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23. № 5. С. 50—61.

доступа к финансовой инфраструктуре. Как отмечается исследователями, «правовое обеспечение финансового суверенитета должно основываться на современной правовой модели финансовых отношений, отвечающей экономическим вызовам и способной противостоять геополитическим рискам»⁵.

Ключевым проявлением дезинтеграции является ослабление универсальных международных институтов. Государства прибегают к односторонним или коалиционным действиям, формируя собственные правовые режимы. Фрагментация сопровождается регионализацией финансовых связей и созданием альтернативных инфраструктурных решений, что отражает стремление снизить зависимость от доминирующих глобальных центров⁶. Принципы международного финансового права, такие как недискриминация, уступают место логике селективности, что наглядно демонстрирует практика «экономического принуждения»⁷. Финансовая безопасность государства в этих условиях напрямую зависит от способности адаптировать правовое регулирование к новой реальности. Государства вынуждены искать баланс между интеграцией и защитой от внешних рисков, разрабатывая комплексные стратегии, сочетающие меры внутренней устойчивости с правовыми механизмами противодействия внешнему давлению⁸.

Правовая модель обеспечения финансовой безопасности США основана на структурном доминировании в глобальной финансовой системе и активном использовании финансовых инструментов для проецирования власти⁹. В Стратегии национальной безопасности США 2025 г. экономическая мощь и финансовая система рассматриваются как фундаментальные элементы национальной безопасности и глобального лидерства¹⁰. Санкции, экспортный контроль и меры по защите финансовой инфраструктуры трактуются как легитимные средства противодействия угрозам. Американское санкционное законодательство характеризуется высокой степенью разнообразия и включает как рамочные законы, предоставляющие исполнительной власти широкие полномочия¹¹, так и специализированные акты¹². Ключевым элементом является экстерриториальное применение ограничительных мер, позволяющее США распространять свое правовое регулирование на иностранных субъектов. Механизм вторичных рестрикций создает асимметричную правовую конструкцию, вынуждая третьи страны выбирать между

⁵ *Васянина Е. Л.* Правовое обеспечение финансового суверенитета Российской Федерации в эпоху глобальных перемен // Пролог: журнал о праве. 2024. № 1 (41). С. 39.

⁶ *Leonard M., Pisani-Ferry J., Ribakova E., Shapiro J., Wolff G.* Redefining Europe's economic sovereignty // Bruegel Policy Contribution. 2019. № 9.

⁷ *Hackenbroich J., Medunic F., Zerka P.* Tough trade: the hidden costs of economic coercion. Policy Brief. European Council on Foreign Relations, February 2022.

⁸ *Hackenbroich J., Medunic F., Zerka P.* Op. cit.

⁹ *Kaltenbrunner A., Lysandrou P.* The US Dollar's Continuing Hegemony as an International Currency // Development And Change. 2017. Vol. 48. No. 4. P. 663—691.

¹⁰ National Security Strategy of the United States of America. November 2025. P. 6.

¹¹ International Emergency Economic Powers Act (IEEPA), 50 U.S.C. § 1701—1706 (1977).

¹² См., например: Addressing Threats to the United States by the Government of Iran : Executive Order of February 6, 2026.

доступом к рынку США и сотрудничеством с объектами ограничений¹³. Финансовое регулирование рассматривается как часть единого комплекса мер национальной безопасности, что отражено в практике Комитета по иностранным инвестициям¹⁴. Однако такая рестрикционная гегемония порождает системные риски, подрывая доверие к доллару и стимулируя поиск альтернативных механизмов.

Современная британская стратегия исходит из того, что «экономическая безопасность является национальной безопасностью»¹⁵. После выхода из ЕС Великобритания получила возможность формировать автономные рестрикционные режимы¹⁶. В отличие от экстерриториальной логики США, британский подход стремится к большей формальной определенности и парламентскому контролю. Правовой фундамент заложен в Акте о национальной безопасности и инвестициях 2021 г., устанавливающем процедуры предварительного контроля за сделками, затрагивающими национальную безопасность¹⁷. Рестрикционная политика Великобритании, координируемая с партнерами по «Большой семерке», сохраняет самостоятельный характер. Создание Управления по реализации торговых санкций¹⁸ демонстрирует стремление к построению предсказуемого, но жесткого правового режима. Ключевой концепцией является устойчивость — способность финансовой системы адаптироваться к внешним шокам¹⁹. Финансовый суверенитет понимается не только как защитный барьер, но и как возможность усилить переговорные позиции.

Правовая модель ЕС складывается в условиях наднационального характера интеграционного объединения²⁰. В ответ на усиление конфронтации ЕС активизировал развитие концепции «стратегической автономии»²¹. Финансовая безопасность рассматривается как основа для защиты внутреннего рынка, однако ее обеспечение сталкивается с проблемой распределения компетенций между

¹³ *Ruys T., Ryngaert C., Rodríguez Silvestre F.* Secondary Sanctions and International Economic Law // *The Cambridge Handbook of Secondary Sanctions and International Law*. Cambridge, 2024. P. 239—330.

¹⁴ U.S. Department of the Treasury. CFIUS Enforcement and Penalty Guidelines. 2020.

¹⁵ National Security Strategy 2025: Security for the British People in a Dangerous World / UK Government. P. 6.

¹⁶ См. подробнее: *Галушко Д. В.* Теория и практика правового регулирования интеграционных процессов в свете вызовов Брекзита : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023.

¹⁷ National Security and Investment Act 2021 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2021/25/contents> (дата обращения: 10.02.2026).

¹⁸ Office of Trade Sanctions Implementation / Gov.UK // URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/office-of-trade-sanctions-implementation> (дата обращения: 10.02.2026).

¹⁹ *Hall J.* Financial stability and growth: The Financial Policy Committee's mandate and the question of balance // Bank of England. 2025. 23 October.

²⁰ *Галушко Д. В.* Юридическая сущность Европейского союза в современных реалиях // Вестник ВГУ. Серия : Право. 2020. № 1 (40). С. 234—241.

²¹ *Bevilacqua M.* The Reform of the EU Fiscal Rules: Strengthening Economic Protectionism in the Union // *Verfassungsblog*. 2024. 6 May.

наднациональными институтами и государствами-членами²². Подход ЕС структурирован вокруг трех принципов: продвижение конкурентоспособности, защита от рисков и партнерство с единомышленниками²³. В отличие от моделей, основанных на одностороннем принуждении, европейская модель делает акцент на системном укреплении устойчивости через углубление единого рынка. Рестрикционная политика ЕС, будучи коллективной, реализуется через национальные правовые порядки. В новой парадигме намечается более стратегическое применение инструментов, включая защитные механизмы, такие как Регламент о защите от экономического принуждения²⁴. Особое внимание уделяется защите от экстерриториального применения рестрикций третьих стран через Блокирующий статут²⁵. Финансовый суверенитет ЕС связан с устойчивостью евро и автономностью финансовой инфраструктуры. Правовое регулирование движется в сторону баланса между открытостью и безопасностью с расширением использования предварительного контроля²⁶.

Правовая модель КНР формируется в рамках доктрины «всеобъемлющей национальной безопасности», где финансовая стабильность является базовым элементом государственного суверенитета²⁷. Рестрикционное давление со стороны западных государств ускорило разработку механизмов защиты национальных субъектов. Ответные меры включают нормативное закрепление контррестрикционных инструментов (Закон о противодействии иностранным санкциям 2021 г.²⁸ и Правила его реализации 2025 г.²⁹), а также форсированное создание автономных финансовых институтов. Ключевой особенностью является безусловный приоритет государственного суверенитета над внешними нормативными обязательствами. Центральным элементом стало развитие независимой финансовой инфраструктуры: создание национальных платежных систем, продвижение цифрового юаня³⁰. Правовое регулирование носит проактивный характер, направленный на построение альтернативных, контролируемых каналов

²² *Monjal P.-Y.* The protection of the EU's financial interests: an autonomous concept serving the protection of the key legal principles of the European Union law // International Conference at the Akdeniz University of Antalya. 2025. 22 October.

²³ New measures to secure raw materials and strengthen the EU's economic security // European Commission. 2025. 3 December.

²⁴ Regulation (EU) 2023/2675 of the European Parliament and of the Council of 22 November 2023 on the protection of the Union and its Member States from economic coercion by third countries // Official Journal of the European Union. 2023. Series L, 2023/2675, 7 December.

²⁵ Council Regulation (EC) No 2271/96 (Blocking Statute).

²⁶ Joint Communication: Strengthening EU economic security. JOIN (2025) 977 final. P. 16.

²⁷ *Petry J., Nölke A.* Seeking Autonomy Beyond Subordination // State, Capitalism, and Finance in Emerging Markets. Bristol, 2025. P. 162—182.

²⁸ Anti-foreign Sanctions Law of the People's Republic of China, 2021.

²⁹ Regulations on the Implementation of the Anti-Foreign Sanctions Law, 2025.

³⁰ *Petry J., Nölke A.* Op. cit.

интеграции³¹. Финансовая безопасность в КНР неразрывно связана с технологическим и цифровым суверенитетом.

Проведенное сравнительно-правовое исследование позволяет сделать вывод о принципиальной трансформации природы финансовой безопасности. Она утратила характер сугубо экономической категории и превратилась в комплексный правовой феномен, связанный с вопросами национальной безопасности и стратегической автономии. Сравнительный анализ выявил четыре типологически различные модели. Американская модель основана на использовании финансовой инфраструктуры как инструмента глобального управления, что проявляется в экстерриториальном применении законодательства. Британская модель демонстрирует институционально-балансирующий подход, сочетающий правовую определенность и управление рисками. ЕС представляет наднациональную модель, ориентированную на нормативную координацию и коллективную устойчивость. Китайская модель основывается на приоритете государственной устойчивости и централизованного контроля.

В заключение следует отметить, что рестрикционная практика выступает фактором трансформации международного права, способствуя кризису универсализма и формированию конкурирующих правовых режимов. Принципы свободы движения капитала и недискриминации ограничиваются под предлогом защиты национальной безопасности. Международное право утрачивает характер единой системы, приобретая черты полицентричного пространства.

Универсальной модели финансовой безопасности не существует, а выбор конкретного правового подхода определяется сочетанием внешних вызовов и стратегических приоритетов. Финансовая безопасность выступает центральным элементом правовой политики, во многом определяющим место государств в формирующемся фрагментированном международном порядке.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Васянина Е. Л.* Правовое обеспечение финансового суверенитета Российской Федерации в эпоху глобальных перемен // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1 (41). — С. 35—42. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.4.
2. *Галушко Д. В.* Теория и практика правового регулирования интеграционных процессов в свете вызовов Брекзита : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2023.
3. *Галушко Д. В.* Юридическая сущность Европейского союза в современных реалиях // Вестник Воронежского государственного университета. — Серия : Право. — 2020. — № 1 (40). — С. 234—241. — DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2020.1/2413.
4. *Кузнецов А. В.* Дезинтеграция мировой торговой системы: причины и следствия // Финансы: теория и практика. — 2019. — Т. 23. — № 5. — С. 50—61. — DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-5-50-61.

³¹ См. подробнее: *Петров М., Пилипосян А., Ткачев В.* Китай: обретение финансовой власти // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 3. С. 6—20.

5. Петров М., Пилипосян А., Ткачев В. Китай: обретение финансовой власти // Международные процессы. — 2019. — Т. 17. — № 3. — С. 6—20. — DOI: 10.17994/IT.2019.17.3.58.1.
6. Самтарова Н. А. О специальном правовом режиме финансовой деятельности государства в условиях экономических санкций // Финансовое право. — 2024. — № 2. — С. 15—17. — DOI: 10.18572/1813-1220-2024-2-15-17.
7. Adachi A., Brown A., Zenglein M. Fasten your seatbelts: How to manage China's economic coercion // MERICS China Monitor. — Mercator Institute for China Studies, 2022. 25 August.
8. Bevilacqua M. The Reform of the EU Fiscal Rules: Strengthening Economic Protectionism in the Union // Verfassungsblog. — 2024. 6 May.
9. Farrell H., Newman A. The New Economic Security State // Foreign Affairs. — 2023. — November-December.
10. Hackenbroich J., Medunic F., Zerka P. Tough trade: the hidden costs of economic coercion : Policy Brief. — European Council on Foreign Relations, February 2022.
11. Hall J. Financial stability and growth: The Financial Policy Committee's mandate and the question of balance // Bank of England. — 2025. 23 October.
12. Kaltenbrunner A., Lysandrou P. The US Dollar's Continuing Hegemony as an International Currency: A Double-matrix Analysis // Development And Change. — 2017. — Vol. 48. — No. 4. — P. 663—691. — DOI: 10.1111/dech.12318.
13. Leonard M., Pisani-Ferry J., Ribakova E., Shapiro J., Wolff G. Redefining Europe's economic sovereignty // Bruegel Policy Contribution. — 2019. — № 9.
14. Maruyama W., Wolff A. Saving the WTO from the national security exception // PIIE Working Paper. — 2023. — 23-2.
15. Monjal P.-Y. The protection of the EU's financial interests: an autonomous concept serving the protection of the key legal principles of the European Union law // International Conference at the Akdeniz University of Antalya (Turkey). — 2025. 22 October.
16. Petry J., Nölke A. Seeking Autonomy Beyond Subordination: Chinese Financial Statecraft and the e-CNY // State, Capitalism, and Finance in Emerging Markets / ed. by J. Petry, A. Nölke. — Bristol : Bristol University Press, 2025. — P. 162—182.
17. Ruys T., Ryngaert C., Rodríguez Silvestre F. Secondary Sanctions and International Economic Law // The Cambridge Handbook of Secondary Sanctions and International Law / ed. by T. Ruys, C. Ryngaert, F. Rodríguez Silvestre. — Cambridge : Cambridge University Press, 2024. — P. 239—330.

